

★ 7 ИЮН 1964

г. Москва

Газета № . . .

МАКСИМ
ШТРАУХ
снова воплотил
образ Владимира
Ильича Ленина.

На сей раз в драме А. Штейна «Между ливнями», недавно поставленной Н. Охлопковым в Московском театре имени Маяковского. Здесь все вновь: и решение образа, с которым выдающийся артист не расстанется вот уже без малого тридцать лет, и драматургическая форма, найденная автором пьесы, и режиссерское прочтение.

Драматург А. Штейн решился на смелый шаг: он нарисовал вождя не в окружении людской массы, а одного, наедине с самим собой, думающим вслух. Звучат два насыщенных внутренним действием монолога. Но хотя Ильич один, у зрителей создается впечатление, что Ленин находится в кругу множества людей, живет их интересами, вбирая в себя их чувства, радости и печали.

Спектакль «Между ливнями» поставлен по-охлопковски свежо, масштабно и небесспорно, как это бывает у ищущего художника. Спектакль, несомненно, будет еще подробно разобран многими критиками. Я же остановлюсь на том, что, на мой взгляд, в нем самое сокровенное, свежее и новое — на исполнении роли бессмертного вождя Максимом Штраухом.

ОН ВЫХОДИТ на сцену из зрительного зала. Идет неторопливо, в задумчивости прищурив глаза и чуть склонив голову к левому плечу. Он устал. И голоден. Время обеденное. Мария Ильинична и Надежда Константиновна задерживаются. Микроскопические ломтики черного хлеба аппетитно глядят на него с тарелочек, стоящих на столе у каждого из трех приборов...

Разворачивает газету. Усталое лицо освещается озорной улыбкой. Звучат шутливые фразы в телефон жене: он только что процитировал ей очередной пасквиль буржуазной газеты в свой адрес. Рассиявшись всеми добрыми мор-

щинками, хохочет. Снова суровееет его лицо. Умолкает. Мы, зрители, словно читаем по его опущенным глазам, по усталым движениям головы и рук сдержанное недовольство. Что-то тревожит его, не дает покоя...

Ленину трудно, очень трудно: — Хлеб, хлеб, хлеб... Издергались. Изнемогли. Устали... Так дальше нельзя.

Говорит суровые слова, глядя правде в глаза.

...— Правящий класс, взявший власть в свои руки, умирает от голода... терпит неслыханные, невероятные лишения!

В его голосе — душевная боль. Он резко разводит руками и продолжает говорить негромко, без драматических интонаций, нагнетающих атмосферу. В каждом слове, произносимом неторопливо, внешне даже сухохато и сдержанно, большая внутренняя страсть, забота, участие.

Обстановка, сложившаяся весной двадцать первого года, была исключительно напряженной, сложной, угрожающей. В кронштадтской крепости вспыхнул мятеж. Некоторые анархизирующие горлопаны и перерожденцы, предавшие революционные идеалы и традиции славных военморов, замахну-

лись на самое святое — на партию, на великие завоевания юной Советской республики. Разруха. Нищета. Голодают все. И Ленин делит тяготы со всеми вместе.

Мысль напряженно работает. Он ищет выход из тяжелейшего положения. Он ищет, ищет...

Штраух говорит. Проходят секунды сценического времени; в другом случае они могли бы показаться бесконечными. Но сейчас, слушая Штрауха с затаенным дыханием, с бьющимся от волнения сердцем, зрители забывают и о времени, и о сценической площадке, и о том, что перед ними актер.

В ОСОБЕННОСТИ потрясает второй монолог. Глубокая ночь. Бессонница. Ленин пытается уснуть. Но не может: мысли теснятся в голове — слишком много волнений. Надо уснуть! Ведь завтра ему предстоит выступить с речью на десятом съезде партии... Врач сказал: надо считать до ста, чтобы уснуть. Считает, хочет отвлечься. Думает о пустяках. Вспоминает смешные фамилии... Но неизменно возвращается мыслью к кронштадтским событиям. И Ленин принимает решение...

Мы раньше видели на сцене и

на экране Ленина-трибуна, Ленина-вождя, руководившего народными массами. И Ленина — дру-

га, товарища, человечнейшего человека тоже видели, в особенности когда его играл великий артист Б. В. Щукин. Но такого Ленина, оставшегося наедине с самим собой, когда зритель не покидает чувство, что в их присутствии, на их глазах рождается тонкая, острая, аналитическая мысль Ильича, мы еще не видели.

Штраух не скрывает того, что Ленину очень тяжело. И что он голоден. И что устал. Что измучила бессонница и головные боли. И рука еще плохо действует. И беспокоит пуля в шее; ее надо выпустить, а он все откладывает — нет времени. Артист честен, он не скрывает ничего. И над всем этим — железная воля вождя, его неизменная вера в силу масс, бодрость духа и светлый ленинский оптимизм. Эти качества проявлены в игре Штрауха органически, так же естественно, как все, что делает артист, достигший той абсолютной слитности с бессмертным образом, какая под силу только большому вдохновенному художнику.

Яков СМОЛЯН

МАКСИМ
ШТРАУХ
В РОЛИ
ЛЕНИНА

238